

Методология исследования поэтического текста в трудах Никоненко В.С.

Предмет философии литературы в трудах Никоненко В.С.

Введение

Философия литературы — не только представление о причинах литературного процесса и смене форм, не только анализ стилей, жанров, художественных методов, но и те философские идеи, которые сознательно или бессознательно разрабатывались в литературе, вошли в философские концепции, дали русской мысли своеобразный колорит (Никоненко В.С. Труды по русской философии и литературе. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. с. 37)

Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 263.

«Образы созерцания отличаются от образов и научного, и практического воображения, не по причине своей “универсальности”, но вследствие того, что они узнаются как индивидуальности, и они являются ни некоторым набором качеств, любое из которых может встретиться где-либо еще».

Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 149

«Но он становится поэтичным не потому, что отрешается от определенных “пороков” обыденного существования и отказывается от прагматической однозначности. Все наоборот: он таков, потому что он поэтичен, то есть, осуществляя саморепрезентацию, язык реализует многозначность, которая сама по себе является принадлежностью языка».

О Д.В. Веневитинове: «Большая задача развития русского народа принадлежит литературе. Дает оценку поэта, деятеля искусств. Он говорит, что Платон изгонял поэтов из идеального города, их пение не сопровождается собственной мыслительной работой. Требуется идеи развивать в виде философской системы. Рассматривал творчество Гете и Гомера. Произведения и того, и другого, богатые содержанием, отразили эпоху. Гомер ухватил в поэмах действительность в богатстве, гармонии чувств. Его поэма — зеркальное отображение бедной жизни древнегреческих героев. Осуществлен чувственный синтез. Поэзия Гете отличается тем, что от глубины мысли движется к чувству. Синтез чувств и мыслей человека духовного. Поэзия Гете есть поэзия человеческой души, разъяснение человека. Поэты должны пронизывать поэзию глубочайшим самосознанием, основой является философия. Нужна сознательная работа поэта». (с. 167)

- о сфере исследований Никоненко В.С. – осуществленной и намеченной

Анализ поэтического текста: Жуковский и Пушкин

Жуковский

Жуковский в своем художественном творчестве не размышлял рационально, как Державин, о мироздании и не рисовал соответствующие картины поэтическим языком. Умножая миры и стирая границы между ними, он начинает мыслить поэтическими образами, а это было внове в русской литературе. Это было не только рождение русской художественной поэзии, но и обращение метода этой поэзии к философскому содержанию действительности. Фантастические миры Жуковского были порождением жизненных и философских вопросов, они же были и источником глубокой постановки этих вопросов. И в данном отношении Жуковский был предтечей Пушкина, Лермонтова, всех лучших достижений русской поэзии XIX и XX вв. (с. 479)

Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 267.

«Поэт собирает образы, как девушка букеты цветов, подбирая их только по тому, как они будут смотреться вместе».

В этом взгляде Жуковского не было еще сознания (оно начинается там, где есть противоречие и борьба), здесь не было демонической страсти (она встречается там, где чувство встречает непреодолимое препятствие), но эта тихая, чистая грусть и благоговение к жизни и богу послужили первым проявлением нового идеализма и оказались очень созвучными идеям шеллингианства. И хотя в дальнейшем русские шеллингианцы (Одоевский, Веневитинов) усилили напряженность в создаваемом ими философско-художественном мире, но даже и в таком случае преобладающим у них оставался мотив примирения противоречий в мире идеальной гармонии (с. 485)

Идеализм Жуковского был наивным, внутренне целостным видением, а вследствие этого он был скорее не пониманием жизни, а стремлением к жизни и ожиданием ее, причем это ожидание было неясным для самого автора. Недостаток ли была эта неясность? Здесь как детство. В детстве восприятие действительности сливается с самим ощущающим сознанием и отсюда недостаток самосознания, но отсюда и расширение спектра возможных решений, многогранность таинственного будущего. Для русской культуры, и в частности для русской философии, здесь скрывались такие важные ее черты, как ее многонаправленность и не обусловленная жесткой отечественной традицией или иноземным влиянием новизна, творческий подход. (с. 492)

Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 269.

«"Лгать" может фотограф, если он преследует цель запечатлеть какое-то событие, а поэтический образ "лгать" не может, потому что он ничего не утверждает. Эти образы – формы, сцены, движения, характеры, словесные конструкции – принадлежат не к той вселенной дискурса, в которой различаются "факт" и "не-факт"; они – плоды фантазии».

Человек живет и в природе, и с природой. Жуковский это неоднократно подчеркивал. Однако он шел дальше в понимании природы. Жуковский видит в природе корни духовности, природа наделяется у него не только жизнью, но и зачатками духовных качеств. Такой подход был начальным звеном философии природы, развитой в русской поэзии Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Фетом. В понимании Жуковским духовности природы был определенный философский смысл, который раскрывался не только в русской литературе, но и в русской философии вплоть до В. Соловьева, В. Розанова, П. Флоренского, в концепциях русских космистов. (с. 495)

Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 142.

«Его темой была природа в целом, он, так сказать, был погружен в загадочность окружающих его вещей, целостность присутствия которых накладывается на каждый отдельный предмет, рассматриваемый нами как существующий сам по себе. Вордсворт всякий раз схватывает целостность природы в образе любого отдельного предмета».

Пушкин

Своеобразная логика судьбы — это прежде всего развертываемая картина жизни во временном аспекте. (с. 409)

Онегин насмехается над идеальными чувствами, он не видит смысла в общении с окружающими Собакевичами и Маниловыми, он скептик и, в какой-то мере, циник, но в то же время он страдалец, потому что не верит ничему. Если посмотреть на отношения Онегина к другим героям романа, то он чем-то очень близок Ставрогину из романа «Бесы» Достоевского. Такая же харизма у Ставрогина, как и у Онегина, с одной стороны, и такое же отчуждение от людей и от мира, с другой. Но это только внешнее сходство. По большому же счету, Ставрогин отличается от Онегина тем, что он человек абсолютно безнравственный, он объективно воплощает в себе идею Человекобога, но утверждает свой принцип на зле. Он и погибает не потому, что осознает свое преступление, а потому что природа его не вынесла крушения идеи. (с. 416)

И литературным героем, показавшим печальное состояние самосознания русского общества, был Евгений Онегин. Он далек был от выработки «русской идеи» даже в ее личном преломлении — как нравственного смысла своей жизни, но он чувствовал и в какой-то мере понимал этот свой недостаток и страдал от собственного бессилия. (с. 419)

Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. С. 536.

«Любовь на своем извечном “эксцентрическом пути” часто заводит нас не туда, но бывают моменты – не Истины, но Красоты, - когда восходит ее собственное солнце».

Если в первых поэмах данное отношение только просматривается, в основном относительно лирических ситуаций, то в романе «Евгений Онегин» философские основания художественного метода уже представлены в достаточно законченном виде. Методом «Евгения Онегина» является реализм, но идеалистическая основа этого реализма не имеет той видимой рациональности, которая была в лирике; здесь реализм соединяется с идеализмом, но иррационалистического вида, все действия романа соответствуют жизненной логике, поступки героев зависят от объективных условий окружающего мира, но этими условиями являются не отвлеченная идея, не бог, а некая необходимая сила, действие которой опирается на случайное стечение вполне материальных обстоятельств. (с. 422)

Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 38.

«Наш язык и наша культура являются в той же степени случайностью, в какой является возникновение, например, орхидей или антропоидов в результате тысяч небольших мутаций».

Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 154.

«Мы можем посетить дом в Вулсторпе, но мы не можем посетить его *во время*, когда родился Ньютон: посетить прошлое означало бы изменить его, а это невозможно. Если вопреки невозможному мы могли бы стать свидетелями рождения Ньютона, мы увидели бы это событие в свете судьбы, которую не может предвидеть даже самая амбициозная мать».

Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1998. С. 13.

«Поэтическое влияние и не должно делать поэтов менее оригинальными, хотя и не всегда совершенствует. Глубины поэтического влияния невозможно свести к изучению источников или к истории идей, к воспроизведению образов по образцам».

У Пушкина этот порыв к свободе является сущностью нравственной жизни личности, субстанцией духовного процесса. И поэтому неудивительно, что все мировоззрение поэта благодаря этому лирическому мотиву расширяется до мировых размеров <...> Для Пушкина иной мир — это мир свободы, и этот идеальный мир существовать должен не там, а здесь. Не свободное небо, т. е. идеальная сущность, а свободная земля и свободное небо как реальные сущности — предмет нравственного стремления поэта (с. 430)

Свобода как стихия природы не только творит в своем порыве новую действительность природы и не только свидетельствует человеку о всеобщности ее бытия, но она и освобождает человека, так как человек не только опивается восторгом свободы, стоя на

берегу моря или на утесе кавказской скалы, но как раз в стихии свободы появляется сродство человека и природы. (с. 439)

Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 21.

«Бесконечно расширяющуюся реализацию Свободы, а не конвергентное движение к уже существующей истине».

Пушкин первым в русской литературе поставил вопрос о значении нравственного облика для сохранения личности в условиях всеобщего нравственного падения. (с. 435)

Понимание Пушкиным пророческого назначения поэта было шире религиозного смысла этого понятия, и это выразилось в том, что там, где он говорит о формах пророчества, он никогда не говорит о содержании пророчества, он никогда и нигде не пророчествует относительно судеб человека, человечества, стран и народов. В этом он сильно отличается от Достоевского, Леонтьева, Соловьева, поэтов «серебряного века» или философов «духовного ренессанса». Под содержанием своих пророчеств Пушкин, очевидно, понимал философские и общечеловеческие умственные и нравственные вопросы, трагические переживания, которые сопровождают рождение нового человека в культуре. Главным становился пророческий дар, религиозная вера в высший смысл бытия, самоотверженное служение открывшейся истине. (с. 450)

История имеет свои силы, законы или судьбу, как угодно это назвать. Пушкин это понимает и стремится выразить. История требует соотносить с ее течением действия лиц и народов, человек определяется в своей жизни не только разумом и волей, но и сцеплением внешних обстоятельств. Историческая жизнь — это по преимуществу жизнь общественная, и поэтому вне общества и истории невозможно понять и художественно изобразить правду жизни. Реализм, к которому приходил Пушкин, предполагает именно так широко понятый историзм, и если мы рассмотрим последующее творчество Пушкина, то мы увидим определенный отход поэта от поэтического жанра в пользу исторического. (с. 464)

Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 164.

«В намерения Аристарха не входило предвосхитить открытие Коперника, равно как в намерения Петрарки не входило положить начало эпохе Возрождения <...> Из этого следует, что, даже обладая доступом к сознанию людей, действия которых он описывает, Идеальный хронист не способен оценить значение этих действий».

Надо сказать, что, обратившись к жанру исторической поэзии, Пушкин остается по преимуществу поэтом, а отсюда можно объяснить и драматизацию нравственных переживаний Годунова, и некритическое принятие «преступления» Годунова. (с. 474)

Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 85.

«Метафора “антропоморфирует” социальную, а иногда даже физическую реальность и, осуществляя это, позволяет нам в истинном смысле этих слов приспособиться к окружающей действительности и стать для нее своими».

Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1998. С. 55.

«Сильный поэт – как великий человек Гегеля – и герой поэтической истории, и ее жертва».

Народ в глубинах своего духа интуитивно понимает несправедливость и зло совершенного деяния и на основе этого, судом сердца, выносит нравственный приговор будущим правителям, лишая их, как сказали бы в наше время, легитимности. Но в то же время Пушкин не пришел к славянофильской идеализации народа. Нравственность народного духа не поднимается до уровня сознательного действия, и поэтому народ в драме Пушкина — темная, неопределенная масса, повинующаяся минутным влечениям и умело используемая в интригах различными политическими силами. (с. 471)

Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина. СПб.: Академический проект, 2003. С. 83.

«Поэзия — это не просто какой-то орнамент или аккомпанемент бытия, не просто временное воодушевление или, тем более, какое-то возбуждение или развлечение. Поэзия — это несущая основа истории и потому также — не только некое культурное явление и уж тем более не просто “выражение” некой “души культуры”».

Философия литературы и литературная критика

Белинский

Во-первых, в чем состояла картина русского общества, взятого в 1810–1825 гг.? О том, что эта картина была исполнена на высоком художественном уровне, в этом нет сомнения. Но была ли жизнь Онегина, его встреча с Татьяной «картиной русской жизни»? Неужели жизнь тогдашнего общества вся заключалась в хандре Евгения Онегина и в романтической страсти Татьяны, в истории Ленского и т. п.? Можно сказать, что Пушкиным взят исключительно частный эпизод жизни тогдашнего общества, т. е. личная судьба одного из его представителей. И больше ничего. Правда, в романе есть много мест «от автора», но эти авторские ремарки явно не претендуют на роль «поэтического воспроизведения картины русского общества». Потом, разве виден из истории Евгения Онегина интересный характер момента развития русского общества? Не в том ли этот момент заключен, что сначала Татьяна влюбилась в Онегина, а затем Онегин влюбился в блестящую петербургскую

княгиню, бывшую Татьяну Ларину? Или в описании имени Татьяны? Или в дуэли Онегина с Ленским и переживаниях Онегина в связи с этим событием? Трудно сказать, какой характер носили дуэли в среде русского дворянства XVIII в., но не в порядке дуэли и ее возможности выразился прогресс русского общества? Во-вторых, на первый взгляд неясно, почему содержание жизни дворянского сословия начала XIX в. является идентичным национальной жизни русского народа. И опять-таки, показано ли в романе содержание жизни дворянства, его значение и т. п.? Или пустое времяпровождение это и есть содержание жизни дворянства, к тому же обуславливающее «истинное национальное значение» самого произведения? Показана ли в романе служба дворянства — военная и гражданская, политические устремления дворянства, его роль в развитии русской культуры? Ведь, по логике Белинского, и «Мертвые души» Гоголя — произведение «истинно национальное», так как его содержание взято из жизни дворянского сословия. В-третьих, Белинский утверждал, что Пушкин своим романом положил основание русской литературы, так как изобразил русскую действительность, но так ли это? Неужели Державин или Фонвизин эту действительность не изображали? И если надо было показать ежедневную философию русского народа, то где это показано в романе? Показан ли «семейный домашний быт» русского народа в романе, за исключением разве что изображения набора различных пилочек для чистки ногтей на столике Онегина или рассказа о разновидностях варенья помещицы Лариной? И что такое «домашняя, обиходная философия»? Не есть ли это умение скучать в театре или вызвать на дуэль приятеля из-за пустяка? И наконец, в-четвертых, почему «Евгений Онегин» является актом для русского сознания почти первым? Это определение Белинского должно следовать из первых трех оснований почти необходимо. Но неужели литература и философия XVIII в., да и начала XIX в., не представляли собой таковые же акты русского сознания? Первым актом сознания может быть только определенный наличный факт сознания, например рассмотрение состояния России, философский трактат и т. п., например «Философические письма» Чаадаева. Но где такой акт сознания в «Евгении Онегине» и каким образом он выражен? Без ответа на этот и все выше поставленные вопросы оценка романа Пушкина Белинским становится действительно слишком общей и неопределенной, хотя, как отмечено, она была верной в принципе. Без ответов на поставленные вопросы будет достаточно оправданной точка зрения Писарева на творчество Пушкина, и в частности, на роман «Евгений Онегин». (с. 410 – 412)

Белинский различал поэзию «реальную» и поэзию «идеальную». «Поэт-идеалист» пересоздает жизнь по собственному идеалу, зависящему от отношения поэта к миру, «поэт-реалист» — воспроизводит жизнь во всей ее наготе и истине. (с. 311)

Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. С. 460.

«Дереализация парадоксальным образом наделяет реальность гораздо более непосредственным присутствием, чем то присутствие, которым обладает сама реальность».

«Реализм» в трактовке Белинского предполагает художественность, которая заключается в простоте вымысла, совершенной истине жизни, народности, оригинальности. (с. 312)

Добролюбов Н.А.

Значение литературы в том, что она есть сила служебная. Она ничего по своему почину не творит. Литература есть отражение состояния общества, она не может пересоздать, она может просветить и перевоспитать. Отличие между литературой и философией большое. Истинный литератор изображает действительность и в ней находит ростки, которые не замечает общество, наука. Когда ростки наглядно проявляются в жизни, философы эти явления исследуют и объясняют их теоретически. По фундаментальности философия слабая, но опережает по жизненности и своевременности. Создается впечатление, что литераторы создали весь общественный процесс. Литература обладает и функцией воспитания и просвещения. Она все время переплетается с философией. Литература воспитывает и просвещает и на построение теории философа. (с. 188)

Угнетенному народу, писал Добролюбов, занятому заботой о прокормлении полумиллиона читающего люда, к сожалению, нет вовсе дела до художественности Пушкина. (Никоненко В.С. Николай Александрович Добролюбов. М.: Мысль, 1985. с. 61)

Философия Сократа и комедии Аристофана, приводил пример Добролюбов, выражали одну общую идею — разрушение древних верований. Но Аристофан достигает своей цели изображением картины нравов своего времени. Он с помощью художественных средств приводит нас к тому, что Сократ и Платон доказывают философским образом. Художник мыслит конкретными образами, мыслитель — отвлеченными понятиями, «но существенной разницы между истинным знанием и истинной поэзией быть не может» (Никоненко В.С. Николай Александрович Добролюбов. М.: Мысль, 1985. с. 67)

Соловьев

Отличие искусства от мистики состоит в том, что в произведениях искусства абсолютное содержание выражается в случайных явлениях. Эта единичность художественного образа есть причина и того, что искусство не тождественно философии. Если содержанием художественного творчества являются отдельные идеи, а полное тождество идеального и реального в мире искусства может быть только конечным итогом мировой истории, то содержание философии составляет идеальный космос, т. е. совокупность идей в их органической целостности. Отличие философии и художественности состоит в том, что содержание философских идей является следствием не только восприятия, но и деятельности ума; они имеют более универсальное содержание, чем художественные образы, но уступают им в яркости и интенсивности интуиции. Философия, вследствие специфики своих идей, занимается только центральными идеями, уступая периферию искусству. (с. 503)

Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 120.

«Лирическое стихотворение является предельным случаем потому, что в нем, вне всякого сомнения, в наиболее чистом виде воплощена неотделимость произведения искусства от оригинальности его языкового выражения»

Настоящая поэзия, согласно Соловьеву, имеет свой смысл и пользу в красоте. Особенность поэтического восприятия красоты предполагает в поэте неограниченную восприимчивость душевного чувства, чутко послушного высшему вдохновению. Вдохновение поэтического чувства заставляет замолчать даже ум. Вдохновение позволяет поэту вдохнуть в произведение живую душу. Особо ценил Соловьев ту восприимчивость к красоте, которая вообще принадлежит искусству, но в поэзии имеет свою специфику, так как здесь душа поэта является совершенной мистикой (магией). (с. 506)

Лирика есть подлинное откровение души человеческой. В поэтическом лирическом откровении определяется внутренняя красота души человеческой, состоящая в ее созвучии с объективным смыслом вселенной, в ее способности индивидуально воспринимать и воплощать этот всеобщий существенный смысл мира и жизни. В лирике душа художника сливается с данным предметом или явлением в одно нераздельное целое. Именно поэтому как раз в лирике поэт черпает свое вдохновение из заветной глубины душевного мира, который так же реален, как и мир вселенной. Поэт видит здесь два равноправных бытия и при свете «вездесущего ока» поэзии поднимается до «высот творения», и этим же истинным светом освещает все предметы, улавливает вековечную красоту всех явлений. (с. 507)

Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 465.

«Можно сказать: произведение искусства не стремится передать *ничего другого*, кроме самого себя».

Именно в связи с поэзией Лермонтова Соловьев формулировал положение об истинном назначении гения, сверхчеловека (затем повторит это суждение в «Жизненной драме Платона») и сделал вывод о недостаточности человека, не перерожденного духом Христа, для такого назначения. (С. 509)

Блум Г. Западный канон. Книжки и школа всех времен. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 20.

«У сильного писателя глубокая погруженность в себя – это сила, ограждающая его от гнета свершений прошлого, который в противном случае подавлял бы всякую самобытность, не давая ей проявиться. Великая словесность – это всегда переписывание или пересмотр, и основывается она на чтении, расчищающем в ней место для нового “я” или заново открывающем старые произведения новым переживаниям».

Для заключения

Правда поэтического произведения зависит не только от духовности поэта, определяемой его открытостью миру трансцендентному и миру реальному, определяется не только своеобразной гармонией поэтического произведения, но она зависит и от воспроизведения в поэтическом произведении духа народа и страны. Нет поэта-общечеловека, а есть поэт конкретного народа и конкретной культуры. В связи с этим, помимо чисто религиозно-философских и нравственных аспектов понятия народности, большое эстетическое значение имело указание на русскость Пушкина. (с. 518)

С.В. Никоненко

Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7 – 9.

1 Никоненко, В. С. (2014), *Труды по русской философии и литературе*, Санкт-Петербург.: Изд-во РХГА.

2 Оукшотт, М. (2002), *Рационализм в политике и другие статьи*, Москва: Идея-Пресс.

3 Уайтхед, А. Н. (1990), *Избранные работы по философии*, Москва: Прогресс.

4 Белинский, В. Г. (1981), *Собрание сочинений, т. 6*, Москва: Художественная литература.

5 Писарев, Д. И. (1956), *Сочинения, т. 3*, Москва: Государственное изд-во художественной литературы.

6 Соловьев, В. С. (1988), *Сочинения, т. 2*, Москва: Мысль.

7 Анкерсмит, Ф. Р. (2007), *Возвышенный исторический опыт*, Москва: Изд-во «Европа».

8 Рорти, Р. (1996), *Случайность, ирония и солидарность*, Москва: Русское феноменологическое общество.

9. Хайдеггер, М. (2003), *Разъяснения к поэзии Гёльдерлина*, Санкт-Петербург: Академический проект.

10. Анкерсмит, Ф. Р. (2003), *История и тропология: взлет и падение метафоры*, Москва: Прогресс-Традиция.

11 Никоненко, В. С. (1985), *Николай Александрович Добролюбов*, Москва: Мысль.

1 Nikonenko, V. S. (2014), *Works on Russian Philosophy and Literature*, Saint Petersburg: Russkaya hristianskaya humanitarnaya akademiya Publ. (In Russian)

2 Oakeshott, M. (2002), *Rationalism in Politics and Other Essays*, Moscow: Ideya-Press Publ. (In Russian)

3 Whitehead, A. N. (1990), *Collected Works on Philosophy*, Moscow: Progress Publ. (In Russian)

4 Belinskij, V. G. (1981), *Collected works, vol. 6*, Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian)

5 Pisarev, D. I. (1956), *Collected works, vol. 3*, Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo hudozhestvennoy literatury Publ. (In Russian)

6 Soloviev, V. S. (1988), *Collected works, vol. 2*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)

- 7 Ankersmit, F. R. (2007), *Sublime Historical Experience*, Moscow: Europa Publ. (In Russian)
- 8 Rorty, R. (1996), *Contingency, Irony and Solidarity*, Moscow: Russkoye Fenomenologicheskoye Obshchestvo Publ. (In Russian)
- 9 Heidegger, M. (2003), *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung*, Saint Petersburg: Akademicheskij Proekt Publ. (In Russian)
- 10 Ankersmit, F. R. (2003), *History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor*, Moscow: Progress–Tradisiya Publ. (In Russian)
- 11 Nikonenko, V. S. (1985), *Nikolaj Aleksandrovich Dobroyubov*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)

1. Ankersmit, F. R. (2003), *History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor*, Moscow: Progress–Tradisiya Publ. (In Russian)
2. Ankersmit, F. R. (2007), *Sublime Historical Experience*, Moscow: Europa Publ. (In Russian)
3. Belinskij, V. G. (1981), *Collected works, vol. 6*, Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ. (In Russian)
4. Nikonenko, V. S. (1985), *Nikolaj Aleksandrovich Dobroyubov*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
5. Nikonenko, V. S. (2014), *Works on Russian Philosophy and Literature*, Saint Petersburg: Russkaya hristianskaya humanitarnaya akademiya Publ. (In Russian)
6. Oakeshott, M. (2002), *Rationalism in Politics and Other Essays*, Moscow: Ideya-Press Publ. (In Russian)
7. Pisarev, D. I. (1956), *Collected works, vol. 3*, Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo hudozhestvennoy literatury Publ. (In Russian)
8. Rorty, R. (1996), *Contingency, Irony and Solidarity*, Moscow: Russkoye Fenomenologicheskoye Obshchestvo Publ. (In Russian)
9. Soloviev, V. S. (1988), *Collected works, vol. 2*, Moscow: Mysl' Publ. (In Russian)
10. Whitehead, A. N. (1990), *Collected Works on Philosophy*, Moscow: Progress Publ. (In Russian)
11. Heidegger, M. (2003), *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung*, Saint Petersburg: Akademicheskij Proekt Publ. (In Russian)

